

Ф. И. Леонтович

**Сословный тип территориально-
административного состава литовского
государства и его причины**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф. И. Леонтович**
Сословный тип территориально-административного состава литовского государства и его причины / Ф. И. Леонтович – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-8517-5

ISBN 978-5-4241-8517-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОСЛОВНЫЙ ТИПЪ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНАГО СОСТАВА ЛИТОВСКАГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ПРИЧИНЫ ¹⁾.

Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie.

„Не только воеводѣ, а самому королю равенъ былъ по принципу власти на своемъ клочкѣ земли каждый шляхетка, а каждый знатный панъ былъ куда сильнѣе короля“.

Проф. И. П. Филевича „Польша“, 29.

Архивный матеріалъ литовской метрики (государственного архива великаго княжества Литовскаго) составляетъ чуть ли не единственный источникъ для знакомства съ политико-правовымъ бытомъ Литовскаго государства до изданія литовскаго статута, то-есть, важнѣйшаго періода въ исторіи этого государства, — „того далекаго еще отъ непосредственнаго воздѣйствія Польши времени, когда завершилось образование цѣлаго ряда институтовъ, сложившихся на старинной русской почвѣ, опиравшихся своими основаніями въ принципы временъ Русской Правды“ ²⁾. Въ существующихъ сборникахъ памятниковъ русско-литовскаго права находимъ, между тѣмъ, сравнительно немного актовъ, извлеченныхъ изъ метрики. Масса заключающагося въ ней, первостепенной важности, матеріала оставалась и остается

¹⁾ Настоящая статья представляетъ продолженіе „Очерковъ исторіи литовско-русскаго права“.

²⁾ Отчетъ о 2-мъ присужденіи прѣміи Г. Э. Карпова, рецензія проф. С. А. Бернадскаго сочиненія г. Любавскаго: Областное дѣленіе и пр., стр. 5.

доселѣ мало доступной для научныхъ изслѣдованій. Акты метрики, обнародованные въ извѣстныхъ изданіяхъ Дзялыцкаго („Zbiór praw Lit.“,—всего до 15-ти актовъ), Даниловича („Skarbiec dyplomatów“), Муханова („Сборникъ“), археографической комиссіи („Акты западной Россіи“ и „Акты южной и западной Россіи“), почти исключительно касаются государственнаго устройства старой Литвы и содержать крайне мало данныхъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ права административнаго, гражданскаго, уголовнаго, и пр. Этимъ обстоятельствомъ, какъ и вообще малой доступностью метрики для непосредственнаго ознакомленія съ содержащимися въ ней актами, объясняется, почему до настоящаго времени по исторіи русско-литовскаго права остается масса вопросовъ, совершенно не тронутыхъ научной разработкой.

Лишь въ послѣднее время положеніе дѣла стало значительно измѣняться къ лучшему, благодаря усиліямъ немногихъ любителей русской старины, имѣвшихъ возможность пользоваться сырымъ матеріаломъ метрики и обнародовать его въ печати.

Таковъ капитальный трудъ, профессора С. А. Бернадскаго, посвятившаго нѣсколько лѣтъ кропотливому изученію актовъ литовской метрики (пока она не была переведена изъ С.-Петербурга въ Москву) и приготовившаго къ изданію—къ сожалѣнію, не поступившее въ продажу—большое собраніе документовъ, извлеченныхъ изъ этого архива (съ послѣдней четверти XIV вѣка до изданія перваго Литовскаго статута) ¹⁾. Вся эта масса актовъ содержитъ много совершенно новыхъ данныхъ по исторіи русско-литовскаго права. На первомъ планѣ нужно поставить земскіе привилеи; изъ нихъ привилеи 1387, 1413 и 1492 гг. изданы по новымъ спискамъ, а привилеи Сигизмунда Кейстутовича 1434 г. издается впервые ²⁾. Въ сборникѣ помѣщенъ также рядъ грамотъ на магдебургское право ³⁾,—

¹⁾ Нѣсколько актовъ извлечено также изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, Имп. археографической комиссіи и частныхъ лицъ (№ 55).

²⁾ См. № 34. Кстати укажу на обнародованный недавно проф. И. П. Филевичемъ земскій привилей Владислава-Ягеллы „soaequationis Russorum cum Lithvanis“, 1432 г. Этотъ привилей извлеченъ изъ „текъ“ Парушевича, хранящихся въ Краковскомъ музеѣ кн. Чарторыжскихъ. Привилей помѣщенъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1898 г., III, стр. 2—4. Замѣтка о немъ—въ „Отчетѣ объ ученой командировкѣ въ 1892 г. проф. Филевича (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1898, II, 6—9).

³⁾ См. Берш. сбора. № 8, 10, 18 и др.

между прочимъ, грамота 1424 г. на Шродское право въ г. Соколѣ (Подляхін) ¹⁾,—если не ошибаемся, единственное до сихъ поръ свидѣтельство объ этой разновидности Магдебургскаго права въ Литовскомъ государствѣ. Къ исторіи гражданскаго, уголовнаго права и процесса относится масса судебныхъ выроковъ, привилеевъ и разныхъ частныхъ записей. Не менѣе интересны также акты, касающіеся дипломатическихъ сношеній Литвы ²⁾; между прочимъ, актъ 1499 г. касается уніи съ Польшей ³⁾. Драгоценный матеріалъ по исторіи государственнаго хозяйства Литвы представляютъ, наконецъ, извлечения изъ записныхъ книгъ пожалованій ⁴⁾, книгъ расходныхъ ⁵⁾, описей господарскаго скарба ⁶⁾, „пописей“ землевладѣльцевъ по отбыванію военной службы ⁷⁾, инвентарей господарскихъ имѣній ⁸⁾ и пр.

Не мало сыраго матеріала, извлеченнаго изъ метрики за тотъ же періодъ времени, находится также въ большомъ изслѣдованіи М. К. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго статута“ ⁹⁾. Извлечения изъ актовъ относятся къ мѣстному управленію, также сословіямъ, финансамъ, частію гражданскому праву (землевладѣнію и наследованію имущества) и судоустройству.

Много цѣннаго матеріала извлечено изъ мѣстныхъ архивовъ и помещено въ теченіе послѣднихъ пяти-шести лѣтъ въ „Актахъ“, издаваемыхъ Виленскою археографическою комиссіею, и въ „Архивѣ юго-западной Россіи“ издано Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Особенно важно изданіе такихъ драгоценныхъ памятниковъ, какъ инвентари, съ содержащимися въ нихъ данными касательно территориально-административнаго строя, поземельныхъ и тягловыхъ отношеній и вообще хозяйственнаго быта различныхъ литовско-русскихъ областей.

Къ цѣннымъ трудамъ послѣдняго времени относится изданіе

¹⁾ Ibid., № 21.

²⁾ №№ 9, 179, 203 и др.

³⁾ № 187.

⁴⁾ №№ 41, 363.

⁵⁾ 98, 221.

⁶⁾ 262.

⁷⁾ 85, 208, 529.

⁸⁾ 194, 196—200, 209.

⁹⁾ Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей за 1893 г. и отдѣльное изданіе.

старыхъ документовъ, хранившихся въ Славутскомъ фамильномъ архивѣ князей Сангушковъ („Archiwum książąt Lubartowiczów — Sanguszków w Sławucie“), также актовъ Львовскаго Бернардинскаго архива („Akta grodzki i ziemskie“). Акты Бернардинскіе, относящіяся къ исторіи Галицкой Руси со времени присоединенія ея къ Польшѣ, содержатъ нерѣдко весьма важныя указанія на институты древне-русскаго права,—напримѣръ, на старый дворичный строй русскаго волости, поземельные порядки и нѣкоторые институты уголовного права и судопроизводства.

Въ послѣднее время, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, для меня открылась возможность заняться непосредственнымъ изученіемъ актовъ литовской метрики, по варшавской копіи (послѣдней четверти прошлаго вѣка), хранящейся нынѣ въ главномъ архивѣ царства польскаго. Изъ разныхъ книгъ (всего 66 кн. до 1552 г.) метрики извлеченъ мною довольно значительный запасъ актовъ (1413—1507 гг.), въ особенности судебныхъ вырочковъ, жалованныхъ грамотъ и пр. ¹⁾

На основаніи архивнаго матеріала, извлеченнаго проф. С. А. Бершадскимъ и частью мною изъ литовской метрики, а также изданныхъ въ существующихъ сборникахъ памятниковъ русско-литовскаго права, въ настоящей статьѣ излагаются замѣтки по вопросу о причинахъ, подѣ влияніемъ и въ зависимости отъ которыхъ образовался своеобразный, территоріально-административный составъ Литовско-русскаго государства, принявшій рѣзкій, сословный типъ подѣ длившимся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воздѣйствіемъ началъ поль-

¹⁾ Собранный мною матеріалъ приготовленъ къ печати и вскорѣ будетъ изданъ. Количество актовъ, извлеченныхъ изъ метрики, достигаетъ болѣе 750 номеровъ. Къ главнѣйшимъ актамъ относятся: три земскіе привилеи (1413, 1434 и 1457 гг.) по краткимъ спискамъ съ нѣкоторыми вариантами; два списка привилеевъ областныхъ—Волинскаго (1501 г.) и Жмудьскаго (1507 г.),—послѣдній печатается впервые, до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ; нѣсколько грамотъ удѣльныхъ князей — Свидригайла, Кобринскихъ и Мстиславскихъ; пять привилеевъ городамъ на магдебургское право—Дрогичину (1498 г.), Литовижу (1501 г.), Мельнику (1501 г.), Высокому (1503 г.) и Лесичи (1505 г.); нѣсколько привилеевъ на войтовства—Дрогичное (1428 г.) и Мельницкое и пр.; привилей братству Виленскихъ золотниковъ (1495 г.) и пр. Болѣе важный матеріалъ, содержащійся въ метрикахъ до начала правленія короля Сигизмунда I (1507 г.), исчерпанъ мною вполне. Я старался въ особенности извлечь изъ метрики судебные выроки: акты этого рода извѣстны въ печати въ маломъ количествѣ, а между прочимъ они весьма важны въ особенности по исторіи гражданскаго, уголовного права и судопроизводства.

скаго права. Ближайшее разсмотрѣніе главнѣйшихъ формъ территориальныхъ союзовъ и административныхъ районовъ, изъ какихъ сложилось Литовское государство, составитъ предметъ особой статьи.

Слѣды непосредственнаго воздѣйствія Польши на Литовское государство доселѣ не совсѣмъ исчезли въ быту входившихъ въ его составъ западно-русскихъ областей. Сильная сословная окраска всей политической и правовой жизни этихъ областей—результатъ воздѣйствія на нихъ старой, польско-нѣмецкой культуры, по сей день сказывается, между прочимъ, въ типическихъ особенностяхъ внѣшняго и внутренняго строя западно-русскихъ городовъ и селъ, рѣзко отличающихся отъ городовъ и селъ Восточной Россіи. Житель послѣдней привыкъ къ изстаринному, бессословному, земскому единству своихъ городовъ и селъ, гдѣ „дворъ обо дворъ“ изъ вѣковъ живутъ и барская или купеческая семья, и ремесленная артель, и родъ—племя пахаря,—гдѣ громадное большинство городовъ—тѣ же деревни и съ рѣшительнымъ преобладаніемъ въ нихъ рольничьихъ промысловъ съ тѣмъ же разнообразнымъ составомъ населенія, чтó и въ деревняхъ. Жителя Восточной Россіи, очутившагося въ сельской глуши правобережной Украины-Волини, Подолья, затѣмъ Подляхін, Полѣсья или Литвы, поражаетъ сразу, при первомъ знакомствѣ съ мѣстнымъ деревенскимъ и городскимъ бытомъ, рѣзкая, территориальная обособленность населенія по сословіямъ. „Мѣсто“ и „мѣстечко“ знаютъ здѣсь лишь одного ремесленника да торговца, далеко не забывшихъ вошедшихъ было въ ихъ плоть и кровь обычаевъ старыхъ замкнутыхъ магдебургій. Мало мальски зажиточный панъ-землевладѣлецъ доселѣ живетъ среди своей „державы — маестности“, въ совершенно обособленномъ отъ мѣста и деревни старомъ замкѣ-панскомъ дворѣ съ фольваркомъ, какъ и рядовая мелкота-шляхта обособляется въ своей отдѣльной отъ хлопства шляхетской околицѣ и дворѣ (польской *zagrodzie*). И сельскій хлопъ, бывшее „быдло“ сосѣдняго пана-шляхтича, по прежнему живетъ въ такомъ же обособленномъ поселкѣ-старомъ дымѣ, дворищѣ, службѣ, жеребь и пр. Новая культурная условія теперешней западно-русской деревни, мѣстечка и города. виѣстѣ съ отмѣной Магдебургскаго права въ городахъ и „вѣчнаго права“ землевладѣльцевъ на подвластное имъ хлопство, во многомъ стали сглаживать старую, сословную обособленность городскихъ и сельскихъ поселеній. Тѣмъ не менѣе, мѣстами она до сего дня удерживается въ былыхъ формахъ, особенно въ глухихъ, сельскихъ захолустьяхъ, куда еще мало проникла современная культура и гдѣ

держится въ полной почти неприкосновенности и свѣжести старая „пошлина“, обособлявшая въ видѣ отдѣльныхъ „народовъ“ вельможное шляхетство панскихъ дворовъ и заградъ отъ подвластнаго ему хлопства крестьянскихъ дымовъ и дворищъ-службъ.

Было, однако, время, когда вездѣ на Руси, въ обѣихъ ея половинахъ—восточной и западной, жизнь городская и сельская текла однимъ, общеземскимъ русломъ, безъ всякихъ сословныхъ и иныхъ разграниченій между мѣщанскимъ городомъ, крестьянской деревней и панскимъ дворомъ. Начало земскаго единства въ старину глубоко проникало собой всѣ стороны быта земель—волостей западной и восточной Россіи. Здѣсь и тамъ въ одинаковой мѣрѣ жили по городамъ и селамъ и бояре, и люди купеческіе, и ремесленники, и смерды-рольники; здѣсь и тамъ все свободное населеніе земли-волости могло составлять изъ себя земскія вѣча и избирать своихъ князей и другихъ нарядниковъ, съ обязательнымъ для всѣхъ и cadaго подчиненіемъ ихъ суду и наряду. Все населеніе земли-волости, безъ различія между бояриномъ, купцомъ, ремесленникомъ и рольникомъ, подлежало одинаковымъ общественнымъ повинностямъ, на обще-земскомъ основаніи вѣчевыхъ „разрубовъ“ и „розметовъ“. Все различіе города отъ села выражалось въ роли города въ дѣлѣ земской обороны и наряда: городъ являлся пунктомъ земской охраны, убѣжищемъ для волостнаго населенія въ осадную пору и средоточіемъ всей земской администраціи. Въ своей землѣ-волости городъ занималъ „командующее“ положеніе, по суду, наряду и повинностямъ къ городу тянуло все населеніе приписанныхъ къ нему волостныхъ округовъ.

Тѣ же самыя начала земскаго единства остаются въ силѣ въ западно-русскихъ областяхъ и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству. Разложеніе этихъ началъ совпадаетъ съ эпохой развитія уніи Литвы съ Польшей. Оно начинается съ первыхъ же опытовъ уніи при Владиславѣ Ягеллѣ и въ конечныхъ результатахъ приводитъ къ установленію территориально-административнаго состава областей бывшаго литовскаго государства на совершенно иныхъ основаніяхъ, вовсе неизвѣстныхъ ни древне-русскимъ землямъ, ни сложившемуся въ восточной ихъ половинѣ, московскому государству.

Однимъ изъ первыхъ актовъ разложенія земскаго единства литовско-русскихъ областей была *рецепція нѣмецкаго права* ¹⁾ въ горо-

¹⁾ Въ литовско-русскихъ городахъ дѣйствовало по преимуществу магдебургское право, а нарядна и его разновидности—право хельмское (*jus Culmenve*—го-

дахъ, съ кореннымъ преобразованіемъ всего ихъ внутренняго строя, какъ и отношеній ихъ къ государству. Какъ видно по всему, ре-

рода Хелмно польской Пруссіи) и шродское (*ius Sredense v Novi Fori*—города Шрода, Neumarkt, въ польской Силезіи). По извѣстнымъ намъ актамъ, право хелмское (хелминское) было введено въ нѣкоторыхъ городахъ Подляхій (Клецкае, Крабове, Нарва), Литвы (Мѣдники, Ворніовъ) и Волыни (Дорогобужъ, Красловъ), см. А. З. Р., II, № 123; Skarb, № 2307; Арх. юго-зап. Р., III, № 149, 178; *Бернадскій*, стр. 1012; *Balinski*, Staroż Polska IV, 421; *Jaroszewicz*, Obraz Lit., II, 87. Право шродское было пожаловано въ 1424 году городу Соколу въ Дорогич. повѣтъ (*Бернадскій*, 50).—Молчановскій въ своемъ „Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ“ (стр. 207—218) полагаетъ, что первый опытъ реценціи нѣмецкаго городского права въ литовскомъ государствѣ принадлежитъ подольскимъ князьямъ Юрію и Александру Коріатовичамъ, предоставившимъ въ 1374 году Каменцу привилегіи польскихъ магдебургій (грамота, данная по этому поводу Каменцу, помѣщена въ сочин. Przewdzieski, Podole, I, 140;—Молчановскаго, 208 и по новому списку, въ сборникѣ Бернадскаго, № 1). Намъ кажется это положеніе не совсемъ вѣрнымъ: въ 1374 году Каменцу было дано, дѣйствительно, право самоуправления по образцу польскихъ магдебургій; но въ грамотѣ нѣтъ никакого намека на реценцію самаго магдебургскаго права. Последнее было введено въ Каменцѣ лишь въ 1432 году (см. Inventar. archiwii Stasow, 274). Въ концѣ XIV вѣка (съ 1387 г.) магдебургское право вводится въ Вильнѣ, Мерецѣ, Трокахъ и Ковно, гдѣ въ это время уже образовались торгово-промышленныя, польскія и частью нѣмецкія, колоніи, ради интересовъ послѣднихъ и вводилось нѣмецкое право въ упомянутыхъ городахъ. Самымъ раннимъ и при томъ сплошнымъ гнѣздомъ польскихъ магдебургій нужно считать Подляхію, ставшую подвергаться сильной колонизаціи еще въ пору зависимости западной ея половины отъ мазовецкихъ князей (1390—1448 г.); уже тогда магдебургіи стали заводиться во всѣхъ главныхъ городахъ Подляхій. Такія же сплошныя гнѣзда польскихъ магдебургій появляются въ теченіе XV и первой половины XVI вѣка въ другихъ окраинахъ русскихъ, прилегавшихъ къ Польшѣ, Подоліи и Волыни (въ особенности западной). Во внутреннихъ областяхъ Литовскаго государства магдебургіи до позднѣйшаго времени или вовсе не заводятся, или же развиваются весьма туго, спорадически, далеко не такими сплошными гнѣздами, какъ это было въ сосѣднихъ съ Польшей областяхъ—Подляхій, Волыни и Подоліи. До люблинской униі главный районъ реценціи магдебургскаго права какъ разъ совпадаетъ съ первоначальнымъ райономъ развитія колонизаціи въ Литвѣ—это именно юго-западная окраина Литовскаго государства, непосредственно прилегающая къ польскимъ областямъ. Затѣмъ, чѣмъ далѣе отъ этой окраины подвигается къ сѣвернымъ и восточнымъ рубежамъ Литовскаго государства, тѣмъ рѣже и рѣже встрѣчаются на Руси и Литвѣ польскія магдебургіи. Въ старой Сѣверщинѣ ихъ вовсе не было; магдебургіи появляются здѣсь въ началѣ XVII вѣка, послѣ вторичнаго присоединенія лѣвобережной Украины къ Речи Посполитой. Лишь послѣ люблинской униі нѣмецкое право начинаетъ болѣе усиленно вводиться за рубежомъ первоначальной, сплошной его реценціи, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, вошедшей въ составъ польскихъ провинцій и проч.

рецепція нѣмецкаго права стоитъ въ связи съ процессомъ полонизаціи русско-литовскихъ областей, совпадаетъ по времени съ первыми опытами уніи Литвы съ Польшей, закончившейся, какъ извѣстно, образованіемъ изъ обоихъ государствъ единой Речи Посполитой на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Вообще нельзя считать вполне вѣрной мысль о томъ, что магдебургское право давалось городамъ въ Литвѣ лишь ради цѣлей внутренней политики государства, въ видахъ усиленія средствъ государственной обороны и казенныхъ доходовъ, также ради промышленнаго подъема городовъ ¹⁾. Еслибы въ дѣлѣ рецепціи нѣмецкаго права преслѣдовались одни интересы фискальные, экономическіе или стратегическіе, то, при одинаковомъ значеніи такихъ интересовъ на всей территоріи государства, рецепція нѣмецкаго права получала бы приблизительно равномерное распредѣленіе между всѣми областями, чего на дѣлѣ, однако, вовсе не было. Указанные интересы вовсе не требовали такой радикальной ломки во всемъ строѣ городовъ, какая имѣла мѣсто при введеніи въ нихъ нѣмецкаго права, съ его совершенно чуждой русскому правосознанію системой правовыхъ институтовъ. Рецепція такой системы была бы вполне понятна, еслибы въ Литвѣ, въ XV и XVI вѣкахъ, какъ раньше въ Польшѣ, рѣчь шла о нѣмецкой колонизаціи въ городахъ; нѣмецъ-колонистъ, естественно, могъ выговаривать для себя льготу жить по своему національному, а не чуждому для него, праву туземцевъ. Ничего подобнаго сплошной нѣмецкой колонизаціи не было въ Литвѣ XV и слѣдующихъ вѣковъ, когда стали усиленно раздаваться привилегіи магдебургій русскимъ и литовскимъ городскимъ общинамъ. Интересы экономическіе и стратегическіе легко могли находить для себя достаточныя гарантіи на почвѣ разнообразныхъ тягловыхъ, промысловыхъ и иныхъ льготъ, безъ всякой настоятельной нужды въ рецепціи нѣмецкаго права съ полпой отміной въ городахъ права туземнаго. Все это дѣлалось, очевидно, въ интересахъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ промышленнымъ подъемомъ городовъ, ни съ финансовыми и стратегическими видами государства.

Намъ кажется весьма близкимъ къ истинѣ намекъ, высказанный первымъ русскимъ изслѣдователемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ, проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ: по его словамъ, „въ литовско-русскомъ государствѣ и Галиціи *католицизмъ* и *полонизація* распространились прежде всего чрезъ магдебургское право

¹⁾ Антоновичъ, Моногр., I, 157, 163.

и преимущественно чрезъ дѣйствія городскихъ магистратовъ и цеховое управленіе“¹⁾). И дѣйствительно, на нашъ взглядъ, дѣло сразу является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, разъ мы обратимъ вниманіе на систему территориальнаго распредѣленія магдебургій въ русско-литовскихъ областяхъ и на политическія тенденціи того времени, когда въ особенности усиленно развивалась въ Литвѣ рецепція магдебургскаго права, именно въ такихъ районахъ, гдѣ въ XV и XVI вѣкахъ шла дѣятельная колонизація края. Обстоятельство это, само собой, наводитъ на мысль о тѣсной связи учрежденія магдебургій въ Литвѣ и литовской Руси съ политическими тенденціями, породившими колонизацію этого края и, слѣдовательно, шедшими въ прямой разрѣзъ съ задачами и нуждами мѣстной жизни. Изъ совокупности политическихъ условій, при какихъ совершалась въ Литвѣ рецепція нѣмецкаго права, не трудно усмотрѣть, что рецепція эта была вполне на руку сторонникамъ польско-литовской уніи, съ такой же объединительной, антирусской тенденціей, съ какой то же самое право, со временъ Казимира Великаго, вводилось повсемѣстно въ Галичинѣ, съ цѣлью „возможно ослабить и уничтожить силу кореннаго населенія“²⁾).

Нѣмецкое право, рецепированное въ польскихъ городахъ въ XII и особенно XIII и XIV вѣкахъ, въ пору развитія польско-литовской уніи на столько уже привилось и окрѣпло въ быту польскихъ магдебургій, что въ общественномъ сознаніи оно являлось лишь особой разновидностью того же польскаго права³⁾). Отъ рецепціи послѣдняго въ русскихъ областяхъ (Галичинѣ, Подляхія), по своимъ тенденціямъ, ничѣмъ не отличалась рецепція магдебургскаго права: учрежденіе литовско-русскихъ магдебургій по польскимъ образцамъ

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. 139, стр. 798.

²⁾ Проф. П. И. Филевича „Борьба Польши и Литвы-Руси“, 219.

³⁾ Вторая половина XIV вѣка считается временемъ рѣшительной побѣды нѣмецкаго права въ Польшѣ: по всликому закону 1847, оно возводится въ общій государственный законъ (Vol. Ud. I, стр. 28, статья: „de illis qui habent jus theutonicum utuntur polonico“; ср. Авр. I, № 2, п. 68, Владимірскаго-Буданова, нѣмецкое право, 25, 298). По свидѣтельству польскихъ историковъ, нѣмецкое право въ Польшѣ къ XV вѣку совершенно утрачиваетъ свой иноземный характеръ, становится въ существѣ дѣла такимъ же польскимъ правомъ (городовымъ), какъ и право „земское“ польской шляхты. Въ XVI вѣкѣ настойчиво проводилась въ правящихъ сферахъ мысль о замѣнѣ самаго наименованія „jus Theutonicum“ правомъ польскимъ городовымъ—„jus municipale Polonicum“, „jus civile“ и пр. (см. Dr. L. Dargun, o źródłach prawa miast polskich,—Rozprawy Krak. Akad. Umiejeln. 1888, т. XXII, стр. 4—5).

разсматривалось, какъ одно изъ вполне пригодныхъ орудій, съ полнымъ успѣхомъ содѣйствовавшихъ колонизаціи русско-литовскихъ земель. Съ введеніемъ въ нихъ нѣмецкаго права шли въ оборотъ польскія компиляціи и сборники магдебургскаго права (Щербича, Гроицкаго, Яскера и др.), сразу узаконялась практика латино-польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ магдебургій, открывалось вообще широкое поприще для дѣятельности въ литовско-русскихъ краяхъ новыхъ польскихъ администраторовъ.

Магдебургія построились въ Литвѣ-Руси по общему шаблону польскихъ образцовъ, то-есть, съ выдѣленіемъ городовъ изъ общаго земскаго строя, съ представленіемъ городскимъ общинамъ независимой законодательной и судебно-административной власти и вообще *jus ducale* по повинностямъ, суду и управленію ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ всякаго реального участія „мѣста“ въ жизни своей области и цѣлаго государства. Такие *status in statu* монополизировали главные административные центры Литвы и литовской Руси, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ по преимуществу сосредоточивалась торгово-промышленная дѣятельность страны. Быть „мѣщанъ“ замковыхъ и жившихъ въ владѣльческихъ мѣстечкахъ, въ существѣ дѣла, также немногимъ отличался отъ быта мѣщанъ привилегированныхъ магдебургій: послѣднія старались заводить свои филиальныя колоніи вездѣ, гдѣ было „мѣщанство“, не только въ магдебургіяхъ, но и въ владѣльческихъ мѣстечкахъ и замковыхъ городахъ; всегда и вездѣ передовыми дѣятелями въ составѣ мѣщанъ являлись именно представители польской культуры. Затѣмъ и русское мѣщанство, удерживавшее за собой мѣстами самостоятельное положеніе, устраивало весь свой внутренній обиходъ не иначе, какъ по тѣмъ же образцамъ и приемамъ мѣщанства привилегированныхъ городовъ, усвоивало и свыкалось съ сословными воззрѣніями, идеалами и порядками старшихъ магдебургій. Подобно послѣднимъ, въ русскомъ мѣщанствѣ „консервативный духъ, свойственный торговому классу, соединяется съ сословнымъ мѣщанскимъ духомъ, который не уступалъ шляхетству въ презрѣніи къ хлопству“ ²⁾.

¹⁾ Въ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ тоже самое *jus ducale* представлялось владѣльцамъ магдебургій.

²⁾ По справедливому замѣчанію наследователей, такимъ „шляхетскимъ“ отношеніемъ мѣщанина къ сельскому населенію, какъ и тѣсными узами его съ польскимъ правительствомъ, поддерживавшимъ въ своихъ фискальныхъ видахъ